

УДК 94(47).084.8**А. Б. Гуркин****ПО ОБЕ СТОРОНЫ ФРОНТА**

В настоящее время все большую популярность получает такая отрасль исторической науки, как военно-историческая антропология. Предметом этой отрасли можно назвать «человеческое измерение» войны. Соответственно, главным ее предназначением считается изучение и осмысление различных проявлений жизни людей на войне и их рефлексии по поводу происходящего.

Как известно, письменные источники традиционно составляют основу исторической науки. Это касается и военно-исторической антропологии – важнейшим типом источников для нее также являются письменные свидетельства. При этом особое место среди них занимают памятники личного происхождения – дневники, автобиографии, мемуары, воспоминания и письма.

Безусловный интерес для исследователей представляют военные мемуары и воспоминания. Вместе с тем, это весьма специфичные, сложные источники, требующие от историка максимума внимания и осторожности. Прежде всего следует выяснить их подлинность – нередко под видом мемуаров и воспоминаний встречаются подделки [1]. Необходимо также учитывать, что подобные произведения обычно пишутся по истечении некоторого, иногда очень значительного, периода времени после событий. Естественно, многое стирается из памяти и искажается, а многое спустя годы начинает восприниматься совсем по-иному. Наконец, характерной чертой этих источников является их высокая субъективность, которая способна серьезно повлиять на достоверность сообщаемых сведений.

За семидесятилетие, прошедшее после Великой Отечественной войны, было опубликовано большое количество воспоминаний и мемуаров ее участников. В нашей стране до недавнего времени издавались преимущественно работы, написанные видными советскими полководцами [2]. Также на русский язык переводились мемуары немецких военачальников [3]. На

этом фоне ощущался явный недостаток воспоминаний простых участников войны, которые непосредственно сражались на передовой. К тому же выходявшие в условиях жесткой цензуры труды советских ветеранов были явно выхолощены и не давали полного представления о жизни человека на фронте. Что касается мемуаров немецких фронтовиков, то их в СССР попросту не было.

Сейчас ситуация коренным образом изменилась. Стало доступным большое число источников личного происхождения, повествующих о так называемой «окопной правде» Великой Отечественной. В последние годы был опубликован целый ряд военных воспоминаний и мемуаров, как советских офицеров и солдат, так и их противников.

Целью данной статьи является сравнительный анализ описаний и оценок одних и тех же событий людьми, воевавшими по разные стороны Восточного фронта. В основном рассматривались воспоминания авторов, которым довелось сражаться под Ленинградом.

Среди произведений отечественных ветеранов особое внимание привлекают недавно опубликованные мемуары Ростислава Мохова [4] и Николая Никулина [5]. Они в значительной степени похожи. Их писали люди, которые, будучи совсем молодыми – один сразу же после школы (Никулин), а другой с 4-го курса Ленинградского Политехнического института (Мохов) – оказались на самых кровавых участках Ленинградского и Волховского фронтов, прошли всю войну и закончили ее в Берлине. Оба текста хорошо передают атмосферу войны и ее восприятие авторами. Как пишет Никулин, его воспоминания первоначально не предназначались для публикации, и рукопись пролежала в столе тридцать лет. «Эти записки глубоко личные, написанные для себя, а не для постороннего глаза, и от этого крайне субъективные, они не могли быть объективными потому, что война была пережита мною почти в детском возрасте, при полном отсутствии жизненного опыта, знания людей, при полном отсутствии защитных реакций или иммунитета от ударов судьбы» [5, с. 3]. Поэтому вполне естественно, что мемуары эти очень жесткие, описания боев и подвигов в них сведено к минимуму, а на первый план выходят личные переживания солдата и тот негатив, с которым ему пришлось столкнуться на войне. Фактически мемуары являются попыткой автора освободиться от страшных военных воспоминаний.

Очевидной точкой отсчета для мемуаристов Великой Отечественной стало 22 июня 1941 г. Объявление о нападении Германии на СССР, как пишут почти все авторы, было воспринято в стране без паники. Большинство населения, особенно молодежь, полагало, что война скоро закончится нашей победой. «Объявление войны я и, как кажется, большинство обывателей встретили не то чтобы равнодушно, но как-то отчужденно. Послушали радио, поговорили. Ожидали скорых побед нашей армии – непобедимой и лучшей в мире, как об этом постоянно писали в газетах», – вспоминал Н. Никулин [5, с. 5].

Что касается немецких военнослужащих, то у них вступление в войну с Россией и ее начальный этап также не вызвали особых опасений, они тоже были уверены в своей быстрой победе. Вот как описывает свое восприятие начала войны Отто Кариус, автор книги ««Тигры» в грязи»: «...мы, солдаты, верили в свои способности и в удачу. И хорошо, что не могли заглянуть в будущее. Вместо этого у нас была только воля рваться вперед и завершить войну как можно скорее» [6, с. 13]. Он же приводит слова одного из унтер-офицеров своей части, произнесенные вскоре после начала военных действий против СССР: «Совсем неплохо здесь воевать...» [6, с. 11]. Такое отношение к развернувшимся событиям вполне понятно, поскольку Германия к моменту нападения на Советский Союз уже захватила большинство европейских стран, одерживая победы довольно легко и быстро. Немцы верили, что их армия способна справиться с любым противником, и успешно развивавшееся летнее наступление лишь подтверждало это. Их веру в победу не поколебали ни первые неудачи, ни жестокие реалии Восточного фронта, с которыми солдаты Германии столкнулись в последующие месяцы. Так, Готтлоб Бидерман, бывший командиром противотанкового расчета, писал про свои ощущения в канун нового 1943 г.: «Германия достигла зенита военных успехов. Наши войска удерживали громадную территорию в Советском Союзе; победа казалась неизбежной» [7, с. 168–169].

С другой, советской, стороны фронта спокойная уверенность первых дней довольно быстро сменилась растерянностью и неразберихой. Ее фактически одинаково отмечают Мохов и Никулин. С их точки зрения, в РККА среди командного состава явно прослеживалось неумение воевать. Войска ходили в лобовые атаки без артиллерийской подготовки, неся

вследствие этого огромные потери. Оба автора стали участниками затяжных боев под Погостьем, и тяжесть этого сражения в полной мере отразилась в их воспоминаниях. «Мы – пишет Р.М. Мохов, – оказались в мешке. И отступить не имели права (действовал приказ «Ни шагу назад») и наступать было не с чем: снабжение прекратилось вовсе. От недоедания и попыток согреться в шалашах или у костров (землянок не было) солдаты начали умирать. Бывало, идешь по лесу и видишь: потухший костер, а возле него три-четыре замерзших трупа» [4, с. 87]. Н.Н. Никулин описывает это время так: «В армейской жизни под Погостьем сложился между тем своеобразный ритм. Ночью подходило пополнение: пятьсот – тысяча – две-три тысячи человек. То моряки, то маршевые роты из Сибири, то блокадники (их переправляли по замерзшему Ладожскому озеру). Утром, после редкой артподготовки, они шли в атаку и оставались лежать перед железнодорожной насыпью» [5, с. 27]. К сожалению, такое положение дел было в значительной степени типичным для многих фронтов первых лет войны.

Вместе с тем, следует отметить, что почти все мемуаристы-фронтовики, наши или немецкие, склонны завышать силы противника и полагать, что он находится в более выгодном положении, нежели они. Например, утверждение Н. Никулина о том, что «немцы в теплых дотах, сытые и пьяные, наглые, все предусмотрели, все рассчитали, все пристреляли и бьют, бьют, как в тире» [5, с. 28] опровергается немецкими ветеранами, воевавшими в составе группы армий «Север». Конечно, положение советских войск под Ленинградом было очень тяжелым, а немецкие части занимали подготовленные позиции и снабжались несравненно лучше. Но предположение, что гитлеровцам приходилось легко, явно не соответствует действительности.

Вот как описывает бои осени 1942 г. один из осаждавших город Ленина: «Убийственный огонь проделывает бреши в наших рядах. Удерживать позицию становится все труднее. День и ночь мы лежим с оружием в руках в земляных норах. Положение раненых ужасное. Отсутствуют перевязочные средства и медикаменты. Снарядные осколки залетают в укрытия, в которых лежат раненые» [8, с. 373]. Другой участник осенних боев вспоминает, что только в первой, закончившейся неудачей атаке на реке Черной 22 сентября 1942 г. его 132-я пехотная дивизия потеряла 30 процен-

тов личного состава [7, с. 161]. Хассо Стахов, воевавший под Погостьем с немецкой стороны, передает детали окопного быта своих соотечественников: «...солдаты сидят в воронке, тесно прижавшись друг к другу, укрывшись от ветра и, подобно обезьянам, грызут замерзший на морозе хлеб и сосут колбасу, твердую, как кусок льда» [9, с. 137]. А по поводу потерь он приводит такие данные: немецкий батальон перед боем имел 7 офицеров, 77 унтер-офицеров и 347 солдат. После первой же атаки потери составили 6 унтер-офицеров и 41 солдата. Затем сразу прибывает пополнение, но уже через три недели в батальоне остается 4 офицера, 7 унтер-офицеров и 36 солдат. Причем, отмечает автор, «такое становится обычным явлением» [9, с. 137].

В литературе часто поднимается вопрос о том, как относились немецкие военнослужащие к тому, что в Ленинграде в период блокады многие люди умирали от голода. Некоторые немецкие мемуаристы пытаются доказать, что они ничего не знали об этом и не несут ответственности за бедственное положение ленинградцев. «В немецких штабах уже, правда, говорилось, что в Ленинграде царит голод, (...) но кто из немецких солдат мог вообразить себе, что на улицах города жители действительно замертво падали от голода?» [9, с. 12].

На самом деле гитлеровцы, конечно же, знали о ситуации, сложившейся в блокадном кольце, но их это мало волновало. Они лишь были разочарованы тем, что не воспользовались этой ситуацией и не захватили Ленинград. Яркий пример такого отношения – О. Кариус: «Мы узнали от взятой в плен женщины-врача, что город практически умирал от голода зимой 1941/42 года. Тела умерших складывались одно на другое, как штабели дров. Она рассказала, что сейчас жизнь в Ленинграде практически вошла в нормальное русло. (...) Когда потом мы узнали из показаний другого пленного, что в Ленинграде совсем не оставалось солдат в 1941 году и город в то время русскими войсками был практически оставлен, даже самому последнему шоферу солдатской столовой стало ясно, что эту ошибку никогда уже не исправить» [6, с. 39]. Упущенная возможность удручала Кариуса вдвойне, поскольку он считал, что, взяв Ленинград и используя его в качестве «краеугольного камня Восточного фронта», немецкая армия могла бы перезимовать на хорошо подготовленных позициях и развернуть победоносное наступление весной 1942 г. [6, с. 40] В книге Г. Бидермана по этому по-

воду можно найти следующие рассуждения: «Летом 1941 г. с добавлением вновь прибывших дивизий еще можно было взять город; но тогда посчитали, что население Ленинграда вымрет от голода и сдастся, избавив тем самым вермахт от многих жертв. Русские проявляли исключительное мужество и неизменную стойкость, доказав ошибочность этой идеи» [7, с. 159].

Все авторы немецких мемуаров подчеркивают храбрость и героизм солдат Рейха, которые достойно выполняли свой долг и сделали все, чтобы победить. Они, якобы, никогда не проявляли насилия и жестокости по отношению к пленным и мирному населению. Однако реальность весьма далека от такого образа немецких военнослужащих. Практически все служившие в РККА в годы войны сталкивались с проявлением крайней жестокости неприятеля. В частности, Н.Н. Никулин в своих мемуарах вспоминает: «Убедился я, что рассказы об их зверствах – не выдумка газетчиков. Видел трупы сожженных пленных с вырезанными на спине звездами. Деревни на пути отхода были все разбиты, жители выгнаны. Их оставалось совсем немного – голодных, оборванных, жалких» [5, с. 18].

Причиной, которая побуждала немецких солдат храбро сражаться, многие мемуаристы называют необходимость защищать Европу от ига большевизма. Хартвиг Польман в книге «900 дней боев за Ленинград» сформулировал это так: «...борьба здесь, на севере, была направлена не против русских, как людей, а против большевизма, представлявшего собой угрозу свободе Западной Европы» [10, с. 196]. Похожие воззрения демонстрирует в своих мемуарах Г. Бидерман, писавший о «крестовом походе против большевизма» [7, с. 169]. При этом защитники западных ценностей забывают, что не Советский Союз напал на Германию, а, наоборот, Германия вторглась в Советский Союз.

Гипертрофированное подчеркивание военной доблести, мужества, подвигов и фронтового товарищества особенно характерно для мемуаров тех, кто служил в войсках СС. Обычно авторы подобных трудов стараются обелить себя и одновременно создать героический ореол вокруг эсэсовцев [11]. Отчетливо это проявляется в воспоминаниях Викинга Йерка – под этим псевдонимом описал противостояние на Восточном фронте Эрик Валлин, шведский доброволец, вступивший в СС. «...Там, где обычный солдат потерял бы последние силы и остатки воли, наш боевой дух был с

нами. Наша судьба вела нас к окончательной победе сметающей все на своем пути силы нашего оружия. Наша вера в собственное искусство сражаться была крепка как никогда», – в таких выражениях Валлин представляет события, происходившие с ним накануне нового 1945 г. [12, с. 10]. А ведь в это время он уже находился в окружении в «Курляндском котле», вместе со всей немецкой группой армий «Север».

Таким образом, на основании рассмотренных в статье воспоминаний фронтовиков, можно достаточно отчетливо представить, насколько ожесточенный характер носили боевые действия под Ленинградом, и в каких тяжелых условиях приходилось воевать как советским, так и немецким солдатам. Побудительные мотивы участия в войне советских фронтовиков понятны – они защищали Родину. Что же касается немцев, то их высказывания о том, что они воевали, чтобы уберечь европейский мир от большевистского ига, более чем несостоятельны. Еще до нападения на СССР Германия оккупировала почти всю Западную Европу и стала насаждать там новый порядок, отнюдь не нравившийся многим европейцам. Заявления о спасительной миссии немецкого солдата, как, впрочем, и значительная часть содержания немецких мемуаров, есть ни что иное, как попытка оправдать свои действия. Особенно ярко данная тенденция прослеживается в воспоминаниях, написанных бывшими эсэсовцами. Складывается впечатление, что их авторы ни о чем, кроме своего поражения в войне, не сожалеют.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Нойман П.** Черный марш. Воспоминания офицера СС. 1939–1945 / П. Нойман. – М.: Центрполиграф, 2012.
2. **Василевский А.М.** Дело всей жизни: в 2-х кн. – М.: Политиздат, 1989; **Жуков Г.К.** Воспоминания и размышления: в 3-х тт. – М.: Новости, 1995; **Конев И.С.** Записки командующего фронтом – М.: Наука, 1972; **Рокоссовский К.К.** Солдатский долг. – М.: Воениздат, 1988 и др.
3. **Гудериан Г.** Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне. 1939–1945. – М.: Центрполиграф, 2005; **Кейтель В.** Мемуары фельдмаршала. Победы и поражения вермахта. 1938–1945 гг. – М.: Центрполиграф, 2004; **Манштейн Э.** фон. Утерянные победы. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999 и др.
4. **Мохов Р.М.** Записки рядового необученного. – СПб.: Вести, 2011.
5. **Никулин Н.Н.** Воспоминания о войне. – СПб.: Петроцентр, 2015.

6. **Кариус О.** «Тигры» в грязи. Воспоминания немецкого танкиста. – М.: Центрполиграф, 2005.
7. **Бидерман Г.В.** В смертельном бою. Воспоминания командира противотанкового расчета. – СПб.: Центрполиграф, 2005.
8. **Хуземан Ф.** Искренне верили // Трагедия Мясного Бора. Сборник воспоминаний участников и очевидцев Любанской операции / Сост. И.А. Иванова. – СПб.: Вести, 2010.
9. **Стахов Х.Г.** Трагедия на Неве. Неизвестные страницы блокады Ленинграда. 1941–1944. – М.: Центрполиграф, 2012.
10. **Польман Х.** 900 дней боев за Ленинград. Воспоминания немецкого полковника. – М.: Центрполиграф, 2005.
11. **Тике В.** Трагедия верности. Воспоминания немецкого танкиста. 1943–1945. – М.: Центрполиграф, 2014; **Вайдингер О.** Товарищи до конца. Воспоминания командиров панцергренадерского полка «Дер Фюрер». 1938–1945. – М.: Центрполиграф, 2012.
12. **Викинг Йерк.** Последние бои дивизии «Нордланд». Шведский панцергренадер на Восточном фронте. 1944–1945. – М.: Центрполиграф, 2014.